

Лора Бекитт

ПРИНЦЕССЫ
ОАЗИСА
КНИГА 1

RUGRAM

Москва
2024

УДК 82-31
ББК 84(2Рос-Рус)
Б42

Бекитт, Л.

Б42 Принцессы оазиса. Книга 1 / Л. Бекитт. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2024. — 298 с. — (Принцессы оазиса).

ISBN 978-5-517-11819-6

Сестры-близнецы Анджум и Байсан родились в оазисе великой, прекрасной, жестокой пустыни Сахара. Однако малышку Байсан покупают у бедной арабской семьи офицер французской армии Фернан Рандель и его взбалмошная жена Франсуаза, чтобы воспитать ее как родную дочь. Хотя девочки вырастают в разных условиях, их связывает незримая нить. Жизнь французской колонии, каким был Алжир в 19 веке, быт бедуинов, безжалостность и человечность, жажда справедливости и любовь вопреки всему — в новом приключенческом романе Лоры Бекитт.

УДК 82-31
ББК 84 (2Рос=Рус)
ВІС FС
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-517-11819-6

© Бекитт Л., 2024
© Борисова М., оформление, 2024
© RUGRAM, 2024
© Т8 Издательские технологии, 2024

О ты, ищущий покоя за каменными стенами,
Осуждающий любовь бедуинов,
Не легкость ли наших палаток страшит тебя?
Не твердь ли только городов мила твоему сердцу?
Если б ты знал тайну пустыни, ты чувствовал бы подобно мне.
Но ты не ведаешь ее,
А невежество — мать зла.
Если б ты пробудился в сердце Сахары,
Если б твои ноги погрузились в этот песчаный ковер,
Усеянный весенними цветами, похожими на драгоценные камни,
Ты восхитился бы ими,
Необыкновенным разнообразием оттенков,
Их изысканством и тончайшим ароматом.
Ты вдыхал бы чудесный запах, который удваивает жизнь.
Ибо он не осквернен зловонием города.
Если б ты вышел звездной ночью,
Освеженный обильной росой,
И окинул бы взглядом пространство вокруг себя,
Ты увидел бы повсюду вдали
Стада диких животных,
Щиплющих благоухающий кустарник.
В это мгновение все печали покинули бы тебя,
Великая радость охватила бы твою душу¹.

Абд-аль-Кадир²

¹ Перевод Ю. С. Оганисяна.

² Абд-аль-Кадир (1808—1883) — арабский эмир, национальный герой Алжира, полководец, ученый, оратор и поэт.

ШАВА ПЕРВАЯ

Солнце склонялось к западу. Медленно погружаясь в раскаленный песок, оно постепенно теряло свою жгучую силу, становилось похожим на стертую монету.

Золотые, оранжевые и красные тона неба уступали место новым оттенкам, среди которых преобладали холодные — зеленоватые, фиолетовые, серебристые. Неуклонно наползавшие тени, подобно пеплу, постепенно гасили пламя этого фантастического костра.

В пустыне ночь всегда наступает внезапно, как потеря сознания. На какой-то миг горизонт заволокла свинцовая завеса, и вот уже мрак раскинул над землей свое черное покрывало.

Когда догоравший закат возвестил о приближении темноты, Гамаль привязал к вкопанному в песок колышку веревочную уздечку, прикрепленную к железному кольцу в правой ноздре верблюда, соорудил перед шатром очаг из трех больших камней, увенчал его охапкой саксаула, разжег огонь и стал ждать, пока жена приготовит чай.

Халима управилась быстро, и вот он уже сидел на корточках, потягивая горячую жидкость и неподвижно глядя на тлеющие угли. Песок, воздух, ветер еще источали нестерпимый жар, но Гамаль знал, что скоро зной уступит место прохладе.

Небо сияло звездами. От горизонта до зенита мерцали серебром мелкие светила, среди которых мелькали крупные

белые звезды и проносились ярко сверкающие метеориты, тогда как пустыню окутала непроницаемая тьма.

Гамаль с детства знал поговорку «Дай бедуину верблюда, седло, шатер, жену и детей, и он будет счастлив». У него все это было, но он не чувствовал себя счастливым. Не потому, что его шатер не покидала бедность и в последнее время дела шли все хуже и хуже, а оттого что с некоторых пор над головами его дочерей нависла опасность.

— Как думаешь, *он* снова придет? — спросила жена и робко предложила: — А если отдать ему верблюда? Может, он отстанет от нас?

Гамаль едва не поперхнулся чаем. Верблюда! Только это животное позволяет человеку существовать в пустыне, обеспечивая его молоком, мясом, шерстью, лекарством, которое делают из верблюжьей мочи. Люди без преувеличения обязаны верблюдам своей жизнью.

— Да ты что!

Халима заплакала, хотя в пустыне даже такая влага, как слезы, считалась драгоценной.

— Я не могу допустить, чтобы он надругался над одной из наших дочерей, а потом закопал ее в песке!

Гамаль только вздохнул. Несколько лет назад его жена, носившая имя кормилицы детей Пророка, родила двух совершенно одинаковых девочек. Это считалось несчастливым знаком. Согласно поверьям бедуинов, нельзя, чтобы один человек отражался в другом, как в зеркале. Обычно близнецов или одного из них убивали, но Халима, у которой до этого умерло несколько младенцев, вымолила у соплеменников позволение сохранить детям жизнь.

Девочек нарекли Анджум и Байсан, и они росли на диво здоровыми и красивыми.

Над головой висела луна, напоминающая то ли кусок раскаленного железа, то ли огромную каплю крови.

«Красная луна! Дурной знак, дурной знак!» — повторял про себя Гамаль.

Он верил в долю, назначенную свыше: «И всякому человеку мы прикрепили птицу к его шее...»¹ Птицу судьбы.

Гамаль знал, что от нее не уйти. Судьба — не верблюд, ее не потянешь в нужную сторону. Но Халима была не просто женщиной, а матерью, готовой хвататься за любую надежду, даже если та похожа на чахлую травинку.

С некоторых пор старший сын шейха Рахим повадился посещать шатер Гамалья под предлогом, что тот не платит подати, и постоянно напоминал о том, как опрометчиво было оставлять в живых близнецов, которые способны принести племени несчастье.

— Твоя вина в том, что оазис совсем обнищал! Ты должен отдать одну из дочерей! — твердил он, а когда Гамаль беспомощно спрашивал, что сын шейха собирается с ней сделать, нагло отвечал: — Неважно, что!

Впрочем, мужчина и сам все понимал. Рахим слыл любителем девочек возраста Анджум и Байсан. В оазисе пропала уже не одна. Этот негодяй был рад использовать надуманный предлог для того, чтобы жестоко позабавиться с одной из дочерей Гамалья.

Вопреки надеждам, Рахим появился из темноты в тот же час, что и вчера. Гамаль подумал, что повадки этого парня напоминают повадки шакалов, вечно рыскавших на краю оазиса.

¹ Коран, 17:14.

Халима поспешно скрылась в шатре, а Гамаль выпрямился. Очаг погас, и мужчина был рад, что не видит лица своего мучителя.

— Так что? — спросил Рахим. — Ты передумал? Если не можешь платить подати, тогда убирайся из племени!

— Куда мне идти? В пески? — пробормотал Гамаль.

— А мне какое дело! — сын шейха повысил голос. — Я знаю только, что одна из твоих девчонок явно лишняя! Ее надо было задушить с самого начала. Не хочешь отдавать дочь — я заберу верблюда!

— Тогда мы погибнем! — простонал Гамаль.

— И что? Кому нужны такие, как вы!

Анджум и Байсан мирно спали в шатре. Здоровый румянец оттенял их смуглую кожу, длинные ресницы бросали тени на нежные щеки. Это были прелестные дети, о каких мечтал бы любой мужчина. И не важно, что они родились не мальчиками, а девочками.

Внезапно в душе Гамаля всколыхнулось нечто похожее на протест.

— Дочерей я не отдам! И верблюда тоже.

— Тогда утром я приду за долгом! Добудь его хоть из песка!

С этими словами Рахим повернулся и ушел, а Гамаль поднял полог шатра.

Халима скорчилась в углу. Ее лицо, как и лица других бедуинок, украшали синие татуировки, печальные глаза были обведены сурьмой. Бесчисленные косички, которые она никогда не расплетала, напоминали веревочки. Была ли она красивой? Гамаль не задумывался об этом, ни когда женился на ней, ни сейчас. В пустыне существует лишь понятие необходимо-

сти, возможности и пользы. Когда он собирался вступить в брак, у него был только один баран, и отец Халимы согласился на одного барана, тогда как другие требовали двух. Поэтому Гамаль и посватался именно к Халиме.

— У Джан опять белые люди, — сказал он, желая отвлечь жену от горьких мыслей.

— Почему они верят ей, ведь у них другой Бог!

— Она обращается не к Богу, а к духам.

— Разве они главнее Аллаха?

— Они существуют сами по себе, — неуверенно произнес мужчина.

Джан была колдуньей, такой же древней, как эти пески. Гамаль помнил ее с детства, но то же самое можно было сказать и про его отца, а может, и деда. Девушкой и даже женщиной средних лет ее не знал никто. Она умела гадать и избавлять от болезней. К ней обращались бедуины из соседних оазисов, а то и белые люди. Последние щедро платили, потому шейх закрывал глаза на эти посещения, хотя вообще-то территория обитания племени была особым замкнутым миром, недоступным для чужаков.

— Она никогда не давала мне предсказаний, а всегда отправляла прочь! — с обидой произнесла Халима.

— Людям грешно задавать вопросы о своем будущем. Аллах знает, что лучше для каждого из нас, — назидательно произнес Гамаль.

— Если Рахим придет завтра утром, как обещал, что нам делать? — спросила Халима.

— Ничего. В конце концов, я пожалуйюсь шейху!

— На его же сына? — с испутом и недоверием прошептала женщина, и муж промолчал.

Первым делом любого шейха была забота о силе и сплоченности племени; его слово решало споры и тяжбы. Но иногда Гамалю казалось, что *их* повелитель и его сыновья больше напоминают свору бродяг. Безвольный и недалёковидный шейх не заботился о том, правильно ли приближенные к нему люди устанавливают подати, потому зачастую те попросту грабили соплеменников.

Однако осуждать правителей было нельзя, ибо считалось, будто они ниспосланы народу самим Аллахом.

Мужчина решил лечь спать, потому как, что бы ни случилось, завтра ему понадобятся силы. Он жил сегодняшним днем и вместе с тем знал, что рано или поздно судьба даст ответы на все вопросы. Так же как пустыня способна научить всему, чему может научить жизнь.

Майор французской армии Фернан Рандель не любил пустыню, эту страну зноя и жажды. День ото дня пожираемое солнцем пространство казалось ему ареной смерти. Буйство света и жары в сочетании с неподвижностью пейзажа производили на редкость гнетущее впечатление.

Этим миром владели пустота и печаль, и Фернан считал идею отправиться сюда с женой крайне неудачной. Но он никогда не мог спорить с Франсуазой; не сумел переубедить ее и на этот раз. Она повторяла, что не видит перед собой будущего, что ей надо узнать, что ее ждет. Прослышав, что в одном из оазисов живет знаменитая предсказательница, женщина извела мужа просьбами повидаться с нею.

Как водится, старуха-бедуинка не сказала почти ничего конкретного. Однако она заметила, что их привело сюда само провидение и что этот шаг изменит не только их жизнь, а повлияет на судьбы многих людей, чем лишь подстегнула бессмысленное упорство Франсуазы.